

Библиография

Акты, собранные Кавказской Археологической Комиссией. Тифлис, 1870. Т. 4.

Паллас П.-С. Путешествие по южным провинциям Российской империи в 1793–1794 гг. // *Наша старина* / Сост. и перев. В.М. Аталиков. Нальчик, 1996.

Мартирозиан Г.К. Нагорная Ингушия // *Ингуши*. Саратов, 1996.

А.-М.М. Дударов

ПИСЬМО В НАРОДНОМ СОЗНАНИИ ИНГУШЕЙ

Принятое в науке деление культур на письменные и неписьменные (дописьменные) основано на существовании графической письменности. Другие способы хранения и передачи информации в прямом смысле письменностью не считаются или считаются условно. Но факты вроде «узелкового письма» у южноамериканских индейцев, рисуночного письма у юкагиров в Сибири, пиктографических знаков в архитектурном декоре замковых башен Северного Кавказа и т.п. говорят о том, что следует различать понятие графической письменности и письма как такового.

В свое время академик Н.Я. Марр считал «понятия “печать”, “письмо”, “книга”» тотемно-магическими и находил связь слов со значением «“знак”, “печать”, “письмо” в грузинском, латинском и ассирийском языках» [Марр 1927].

Ингушский этнос в осмыслении своего бытия пришел к идее письменности и отразил эти знания в своей мифологической системе. Так, известно сказание о священной книге «ученейшего человека» Магала. Оно было записано одним из первых ингушских просветителей Ч. Ахриевым в 1871 г. на русском языке (данное уточнение имеет значение ввиду возможных неточностей перевода. — *А.-М.Д.*)

Магал черпал «свою мудрость и знания» из «весьма замечательной священной книги» [Антология 2003: 130]. Далее сюжет сказания повествует о том, что у Магала была «разумная», говорящая «по-человечески» и владеющая «многими чудодейственными секретами» «белая змея» и «драгоценная и замечательная

(мудрая. — *А.-М.Д.*) “звезда ветров”». Играя, сын Магала отрезал змее хвост, за что последняя ужалила мальчика. Несчастливая мать в растерянности открыла сундук, и «звезда ветров» «быстро поднялась и улетела на небо». Магал «был страшно поражен свершившимся, особенно потерей “звезды”». Он стал упрашивать белую змею посодействовать возвращению звезды, однако та отказалась.

«Мудрая, священная книга», трансформировавшаяся впоследствии в «драгоценную “звезду ветров”», «белая змея» — весь этот трехэлементный ряд символизирует мудрость священного писаного знания как такового. Кроме этого, знание в сказании носит эзотерический характер, оно хранится «в крепком сундуке, который не могли разбить никакие инструменты». Проблема знания исторически обладала взаимоисключающими характеристиками — доступностью и закрытостью (эзотеризмом). Вопрос об эзотерической стороне для любой традиции очень важен, так как имеет непосредственное отношение к этническому менталитету [Чеснов].

Рассматривая способ утраты знания, отметим, что она произошла от руки женщины. «Миф об утрате письменности — отмечает Я. Чеснов, встречается в разных культурах», причем в большинстве случаев «ее уничтожают люди» [Там же]. В ингушском варианте знание / письмо как высшее благо «улетает на небо» в виде звезды.

В этой связи интересна не только трансформация «священной книги» в «звезду», но и то, что Магал просит змею посодействовать ее возвращению. В архаических мифологиях мира образ змеи, соединяющей небо и землю, является универсальным символом с ярко выраженной амбивалентностью.

Высокая оценка знания как такового и владение им ингушами иллюстрирует то, что они некогда обладали системой письменности. В представленном мифе особо отмечается, что Магал был «ученейшим человеком» и обладал вещами, «представлявшими свою важностью и драгоценностью предмет зависти и почтения как других ученых, так и всех соплеменников». Важно, что Магал был самым авторитетным ученым среди других образованных соплеменников.

Можно сказать, что представления о письменности и связанных с ней атрибутах (грамоте и бумаге) пронизывают всю традиционную ингушскую ментальность. Приведем еще один пример, ярко иллюстрирующий значимость знания вообще и письма в частности в культуре ингушей.

Ингушская традиция предусматривала проведение *ловзар* (вечеринок) или театрализованных действий, сопровождавшихся шуточным сватовством юношей и девушек, исполнением ими сольных песен, парных танцев, песен-диалогов. Одна из таких шуточных песен содержит такие слова:

*Не гляди, не поглядывай
На чернюю расписанное серебро,
Что лежит на моей груди,
Не видел ты разве красивые письма?*

*Видеть-то видел я
Те красивые письма,
Да боюсь, что прочтет их
Кто-нибудь из дураков.*

[Антология 2003: 227]

Упоминание атрибутов письма сохранилось и в заговорных текстах (ПМА).

Ингушские пословицы и поговорки о знании / мудрости, в частности об их вещественном закреплении — письме, прямо говорят о приоритете духовного в сравнении с материальными благами: «Имевший состояние — стремился к власти, а ученый искал знания» (*Долчо — доал лийхад, ховчо — хар лийхад*). В данной пословице, народная мудрость анализирует ключевые понятия «власть» и «знание», отдавая предпочтение знанию. При этом понятие «знание» определяется как прямая возможность не только постичь что-то новое, но и победить: «Знание языка врага сравнимо со знанием его оружия» (*МоастагIчун мотт хар — цун герз довзарах тара да*).

Обладая в силу своей духовной составляющей эзотерическим могуществом, силой и как следствие властью, знание / мудрость приобретало священный характер в сознании народа. Соответственно человек, обладающий знанием, не только был уважаем в обществе, но и приближался к Богу: «Знание от Бога» (*Хар — Давлагара да*); «Знающий — ближе к Богу» (*Ховр — Далла гаргага ла тт*); «Человек со знанием (алим) — голова людей» (*Дийшасаг — наьха корта*); «Собрание, в котором нет человека со знанием (алима. — А.-М.Д.), словно стадо без пастуха» (*Дийшасаг воаца тоаба — Ю воаца Юл*) и др.

Почтительное отношение к знанию в целом транслировалось в народном мировоззрении и на составляющие его атрибуты, что нашло отражение в фольклоре ингушей. Так, есть сведения, что известный ингушский алим Магомед-Басир Оздоев обязывал использовать бумагу с написанным на ней текстом только по прямому ее назначению (ПМА).

Ингушские поговорки прямо характеризуют свойства письма либо приводят аллегории по его сущностным характеристикам: «Выученное в детстве подобно письму, нанесенному на камень» (*Зламига волаш Юмадаьр — кхерий тIа даь йоазув санна да*); «Поле с границами (межой. — А.-М.Д.), а знание — с письмом» (*Кха — доазонца, дешар — йозонца*); «Тот, кто написал, свободен от обвинения» (*Йоазув даьр — бехках ваьннав*).

Таким образом, уважение к образованию и письменности в традициях ингушей не случайное явление, оно носит глубокий характер.

С «письменным менталитетом» ингушей коррелирует строй самого языка, включающего сопутствующие письменности понятийные термины. Такие собственно лингвистические показатели, как *дош* («слово») и его производные *деша* («складывать слова» или «читать»), *дешар* («чтение»), *дуьза* («соединять (письмо), писать»), *йоазув* («письмо»); *илг* («доска, на которой пишут»), пространственные предлоги *ло* и *дIа* в словах *Юдеша-Юязде* и *дIа-деша-дIаязде* со смысловым значением читать и писать «сверху вниз» и «из стороны в сторону», подтверждают нашу мысль о древних истоках ингушской письменной традиции.

Ингушский менталитет сохранил уважительное отношение к слову и глубокое убеждение, что оно исполняется, т.е. имеет энергетическую материальную силу. Традиционно ингушские мужчины были немногословны и очень осторожны в словах. В любой (даже смертельно опасной) ситуации мужчина должен был «следить за своим словом» (*ший дешага хьажа веза*). Народная мудрость изобилует примерами, иллюстрирующими значимость слова.

Например, широко бытуют в современной речи такие фразеологизмы: *Деша мах баь саг варгвац* — «Кто не сможет оценить слово» (оно бесценно. — *А.-М.Д.*); *Аз дош лу хьона* — «Я даю тебе слово» (слово как клятва. — *А.-М.Д.*).

Сказанное слово требовало неукоснительного выполнения. В обратном случае человек терял общественный статус «мужчины» (*кьонах*). Нередко были случаи, когда слово (*дош*) ставили выше собственной жизни. Нами был зафиксирован случай, когда во время депортации ингушей в Казахстан молодой мужчина, проезжая мимо соседнего села, дал слово умирающим от голода чужим детям принести поесть. Вопреки заявлению коменданта о том, что если он выйдет за пределы поселка, то «гнить ему в тюрьме», мужчина «демонстративно отнес несколько плодов картофеля детям. За это ингуша посадили на 25 лет каторги. Он не вернулся, но дети остались живы» [ПМА. Албаков Иса Хусенович. 1927 г.р. С. Кантышево].

Значимость знания / слова в ингушском миропонимании, в части его способности принести максимальную пользу, как в духовном, так и в материальном плане, нашла закрепление в следующих пословицах и поговорках: «Знающий — жив, незнающий — умер» (*Ховр — ваьннав, цаховр — веннав*); «Делая шаг со знанием, не опрокинешься / не упадешь» (*Хови боаккхача кого, Гункара вахийтац*); «Время старит стан, а знание молодит сердце» (*Хано-дегI кьаду, харо-дог кьонду*) и др.

Опредмеченное отношение к этим понятиям, пронизывая всю традиционную культуру ингушей, являлось своеобразным регулятором общественных отношений. В этом плане интересны такие ингушские поговорки: «Веревка длинная — слово короткое»

(*Муш длаьха — дош лоаца*); «Ружье убило одного, а слово — девятых» (*Топо — цаI вийнав, дешо — ийс вийнав*); «Знание — мир, незнание — война» (*Дешар — тоам, цедешар — тIом*).

Подобное почтительное отношение к слову «широко бытует у многих народов, особенно с архаической культурой. Оно создает условие для объективации слова каким-либо знаком, ведет к системам письма, считающимися предписанностью» [Чеснов].

В заключение повторимся. Ингушский этнос в осмыслении своего бытия пришел к идее письма и отразил эти знания в своей мифологической системе, в своем отношении к знаниям вообще и к слову в частности. Представления о знании и связанных с ним атрибутах (грамоте, бумаге, письменности) и понятийные термины ингушского языка не случайное явление. Укорененность представленных атрибутов в общественном бытии и сознании ингушей, традиционно уважительное, опредмеченное отношение к слову подтверждают нашу мысль о наличии признаков системы письма, считающейся предписанностью. К этому же выводу приводит исследование пиктографических знаков на археологических и этнографических материалах, в которых заключено ядро семантических традиций, относящихся к зачаткам протоингушского письма.

Библиография

Антология ингушского фольклора. Нальчик, 2003. Т. 1.

Март Н. Я. Происхождение терминов «книга» и «письмо» в освещении яфетической теории // Книга о книге. Л., 1927. № 1.

Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии: Учебное пособие. [gumer.info>bibliotek_Buks/History/Chesn/20.php](http://gumer.info/bibliotek_Buks/History/Chesn/20.php). Дата обращения 01.07.2012.